

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

**ПОЗЫВНОЙ:
«МОСКАЛЬ»**

Наш человек — лучший ас Сталина

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Оформление серии *П. Волкова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Позывной: «Москаль». Наш человек —
лучший ас Сталина / Валерий Большаков. —
Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 352 с. — (Воен-
но-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-88743-9

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора
бестселлера «Позывной: «Колорад». Наш человек Васи-
лий Сталин»!

Заброшенный в июнь 1941 года, наш современ-
ник оказывается в теле опального командующего ВВС
Павла Рычагова, снятого с должности за скандальную
фразу, брошенную в лицо Сталину: «Вы заставляете нас
летать на «гробах»!»

В реальной истории Рычагова расстреляли в октя-
бре 41-го.

Удастся ли «попаданцу» изменить прошлое?

Как вернуть доверие Вождя и убедить его поднять
авиацию по тревоге, чтобы вражеский удар не застал
«сталинских соколов» на «мирно спящих аэродромах»?

Смогут ли наши летчики уже летом 41-го освоить
тактические приемы из будущего: «кубанскую этажер-
ку», «скоростные качели», «соколиный удар»?

И сколько самолетов Люфтваффе нужно сбить «по-
паданцу», чтобы стать лучшим асом СССР?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88743-9

© Большаков В. П., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Часть первая

БЕГЛЕЦ

Пролог

Москва, 9 мая 2015 года

...«Мессершмитт» атаковал в лоб — сверкая лопастями пропеллера, слившимися в круг, он пыхал коротким злым огнем крыльевых пушек.

Навстречу «Яку» понеслись дымные жгуты трассеров, малиновые и зеленые.

Жилин положил истребитель на крыло, уходя с линии огня, и вжал гашетку. «Як» затрясся, посылая очередь, — двадцатимиллиметровые снарядики порвали «Мессеру» крыло, добрались до кабины — брызнули стекла — и впились в мотор.

Полыхнуло пламя.

Фашистский самолет промелькнул мимо, копотно-черный шлейф стелился за ним, как траурная лента...

Изображение замерло, и на экране всплыла надпись: «Game over».

Жилин со вздохом оторвался от компьютера, отпуская джойстик, и впрямь походивший на игрушечную ручку управления «Яком».

— Молодец, деда! — воскликнул правнук. — Сбил!

— Опыт есть, Пашка, — усмехнулся Иван Федорович, полковник авиации в отставке. — Единственно — ерунда эта твоя «стрелялка»... как бишь ее...

— «Уорлд оф варплэйнс»! — важно выговорил Павел. — А почему ерунда?

— Ну-у... Как тебе объяснить... Ну вот этот «худой»...

— Кто-кто?

— «Худыми» мы «Мессершмитты» называли — у них фюзеляжи узкие. Во-от... «Мессеры» очень редко атаковали в лоб, чаще они уклонялись. Немцы не любили геройствовать.

Правнук примолк.

Забравшись к деду на колени, он сказал тихонько:

— Деда, зато ты у меня герой.

Улыбнувшись, Жилин погладил Пашку по голове.

В мае ему девяносто шестой пошел, но старикан он был удивительно бодрый — ходил без палочки, а если ронял монетку на пол или газету, то сам нагибался и поднимал. Хотя войну отбыл от звонка до звонка, с того самого 22 июня и по август 45-го.

И сбивали его, и попадали — три дырки в шкуре провертели фрицы, а он раз за разом выкарабкивался и упорно возвращался в строй. Пятьсот сорок боевых вылетов, полсотни сбитых «Мессеров», «Фокке-вульфов», «Юнкерсов» и прочих «Хейнкелей».

Иван Федорович вздохнул. Разбередил его парад, растревожил...

На Красной площади он сидел неподалеку от Путина, чуть выше.

Ах, как шагали наши десантники — сильные, настоящие, умелые, brave парни! Иные из «голубых беретов» каменели лицами, а другие не могли сдерживать чувств — и улыбались белозубо, радуясь празднику, здоровью, молодости...

И опять вздох. Чего развздыхался, старый хрыч? Да все от того же... Жизнь прошла, как ни крути.

Одно хорошо, что детей своих хоронить не довелось...

Единственно — жена покойная. Слегла однажды Алена, да и не поднялась больше. А что вы хотите? Возраст...

Один ты зажился, Иван Федорыч, и никак не желаешь освободить жилплощадь...

Ну, это уже стариновское брюзжание началось.

Сашка, старшенький его, не из таковых, что старинов своих со свету сжить не прочь. Да и есть у него квартира, хоть и в Мытищах.

Зятек его тоже не бедствует, в «манагеры» вышел, все какими-то мудреными делами занят, на «инг» заканчиваются...

— Алё? — слышался голос правнука. — Я у дедушки. Ага... А куда? К тете Томе? Ура-а... Я щас! Деда, я пошел!

Шаркая тапками, Жилин выбрался в прихожую. Пашка как раз упаковывался в свою куртку «на рыбьем меху».

— Не продует? — озабочился старый.

— Не-а! — легкомысленно ответил малый. — Пока, дед!

— Пока...

Клацнул замок, прогудели ступеньки, глуша топот юных ног, — и тишина. Только «ходики» продолжали отбивать тающие секунды.

Интересно, подумал Жилин, проживет ли он еще один год?

Может, дотянет до сотни? Это вряд ли...

А жаль.

Хоть и говорят, что старики устают жить, но это точно не про него.

Очень хочется посмотреть, а что же дальше-то будет.

Только-только Россия подниматься стала да сдачи давать! И Союз строится, пусть даже и не Советский, а Евразийский, да хоть такой...

Ага...

А он возьмет и того... скоропостижно.

— Чего ты куксишься? — проворчал Иван Федорович вслух. — Тикаешь еще, вот и радуйся...

Воображение все равно разыгралось, и Жилин представил себе, как на следующий парад Пашка понесет его портрет — пополнение «Бессмертного полка»... Полковник лишь головой покачал.

Все может быть, все может стать... Человек внезапно смертен.

Иван Федорович задумался.

Он прошел всю войну, бил фашистов с «яков» и «лавочек» и Берлин брал, и чуть было до Токио не дошел, когда летом 1945-го японцам жизни давали. А все равно бродила в нем, покоя лишала какая-то... неудовлетворенность, что ли. Словно не все он сделал, что мог, не исправил ставшее непоправимым.

Жилин поутрюмел.

Что он мог? 22 июня лейтенант Жилин поднял свой «И-16» и сбил немецкий бомбовоз. Его «ишачка» тотчас же «опустили»...

Да и куда ему было сажать истребитель, коли родной аэродром разбомбили?

До сих пор саднят эти воспоминания — о самолетах, которым даже не дали взлететь, пожгли на земле. О летчиках, что носились в одном исподнем, стаскивая брезент с истребителей, пытаясь завести моторы, а в баках пусто...

Это было колоссальное унижение.

Даже при Ельцине, «опустившем» всю страну, Жилин не испытывал такого позора.

Наверное, не зря первенца окрестили Александром, в честь Суворова, а правнук даже не догадывается, что носит имя главнокомандующего ВВС РККА.

Павел Васильевич Рычагов командовал авиацией 9-й армии во время войны с белофиннами. Имен-

но тогда младлей Ваня Жилин сбил свой первый «Фоккер»¹.

Рычагов мог выйти в «красные маршалы», стать большим человеком, но его подвела молодость, глупость и горячность.

Еще в 1935-м Рычагов ходил в старших лейтенантах, но это был прирожденный ас. За один вылет он мог накрутить двести пятьдесят фигур высшего пилотажа — так Павел Васильевич принимал новую технику, поступавшую в эскадрилью.

Однажды, пилотируя «У-2», он заметил, что одна из лыж встала торчком. Передав штурвал сослуживцу, Рычагов вылез из кабины на крыло и, держась за стойку, хладнокровно, ногой, выставил лыжу в посадочное положение. И готово дело.

Вот такой человек. А потом была Испания...

Старший лейтенант Рычагов под именем Пабло Планкара командовал эскадрильей «И-15». Над Мадридом и Гвадалахарой он сбил шесть «Юнкерсов» и «Фиатов».

В 1938-м майор Рычагов сам попросился в Китай — бить самураев.

И бил!

Отражал налеты японской авиации на Ханькоу и Наньчан, уничтожил сорок восемь самолетов противника на аэродроме в Нанкине, а потом нанес удар по тайваньской авиабазе, после чего оттуда месяц не взлетал ни один «Зеро-сэн»².

А карьера какая! Комэкс — комбриг — комкор — главнокомандующий ВВС! Весной 1941-го, когда ему

¹ Имеется в виду не прозвище, данное советскими пилотами самолетам «Фокке-Вульф», а истребители голландской фирмы «Фоккер», поступавшие на вооружение ВВС Финляндии.

² Японский истребитель «Мицубиси А6М Зеро». «Сэн» от слова «сэнтони» — истребитель.

едва тридцать исполнилось, Рычагов стал заместителем наркома обороны.

Падать после такого взлета было ох как больно...

Особенно если по собственной дурости.

9 апреля на Политбюро ЦК ВКП (б) обсуждался вопрос об аварийности в авиации Красной Армии. Положение было аховое — каждый божий день разбивалось по два-три самолета!

Рычагову сделали справедливое внушение — дескать, виной всему «расхлябанность и недисциплинированность». Мало того, нарушителей никто даже не наказывает! И что же ответил молодой замнаркома?

Вскочил, покраснел, да и ляпнул: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!»

Сталин стоял рядом, и для него эта выходка Рычагова стала плевым в лицо, самым настоящим личным оскорблением — вождь немало усилий затратил, «подтягивая» авиацию. И вдруг такая пощечина, да еще прилюдно!

Иосиф Виссарионович постоял, помолчал.

Пошел мимо стола, за которым сидели члены ЦК, развернулся, зашагал обратно в полной тишине. Вынул трубку изо рта, проговорил медленно и тихо, не повышая голоса: «Вы не должны были так сказать!» И пошел опять, справляясь с волнением.

Дошагал, вернулся и повторил тем же низким спокойным голосом:

«Вы не должны были так сказать, — сделал крошечную паузу и добавил: — Заседание закрывается».

И первым покинул комнату.

Что тогда думал Рычагов, неизвестно. Через три дня недоучку-главнокомандующего сняли и направили в Военную академию Генштаба: учись, студент!

Сделал ли Павел Васильевич верные выводы в промежутке между будущим Днем космонавтики и 22 июня?

Нет.

26 июня Рычагова арестовали, а осенью расстреляли вместе с супругой, майором Марией Нестеренко, обвиненной в том, что «...будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности мужа»...

Вот такая судьба.

Запиликал телефон, и Жилин поспешил снять трубку.

— Да?

На том конце провода задышали, захлопали носом, и стеклянный голос сказал:

— Иван Федорыч? Алё!

— Леся? — удивился и обрадовался Жилин. — Ты, что ли?

— Добрый ранок, Иван Федорыч! Я...

— А Панас где? Чего не звонит? Я-то думал, он меня первым поздравит!

Леся расплакалась.

— Помер папка...

Ветеран нашарил притолоку двери на кухню и вцепился в нее.

— Ах, ты... Когда?

— Та учора! Як заснув, так и усэ... Сердце! Завтра хороним. Приезжайтэ, будь ласка!

— Конечно, конечно, Леся! А как же!

Послышались гудки, и Жилин осторожно повесил трубку, словно та была из хрупкого стекла.

— Ах, ты...

Иван Федорович покачал головой. Панас, Панас...

От Курска до Берлина вместе дошли, в одной эскадрилье, крылом к крылу. А сколько раз спину друг другу прикрывали? Начнешь вспоминать, и сра-

зу столько всего в голове проясняется. Война была долгая...

Ветеран вздохнул. Ему очень не хотелось ехать на Украину. Очень! Но долг... Последний долг...

Жилин засуетился, собираясь в дорогу. Свой любимый, истертый портфель он брать не стал. Зачем? Пижаму туда класть или зубную щетку? Да тут ехать-то! Таскайся потом с этой «ручной кладью»...

Махнув рукой, Иван Федорович вышел из дома, как был — в парадном костюме, с рядами позванивавших орденов и медалей на пиджаке. Перекантуется как-нибудь...

На метро Жилин добрался до Киевского вокзала, купил билет, занял свою нижнюю полку. Когда поезд тронулся, Иван Федорович настолько погрузился в прошлое, что смотрел в окно и не видел ничего. Мелькали дачи, проплывали подмосковные рощицы или развязки с суетливым трафиком, да только все мимо, мимо...

Перевалит вам за девяносто, и соблазны реала потеряют свое притяжение. До будущего надо еще дожить, а поспеете ли? Вот и окунаешься в омут памяти, мыслями возвращаясь к давно минувшему...

Поезд «Москва — Одесса» прибыл в Киев ясным утром, однако Жилину почудилось, будто столица «незалежной» погружена в сумрак.словно дым от покрывшек, сгоревших на Майдане, так до сих пор и не выветрился.

Люди какие-то дерганные, нервные, злые... Киевляне с умными лицами, с добрым выражением глаз словно прятались в толпе, уходили в себя — приглядываться надо, чтобы их заметить.

Часто реяли петлюровские «жовто-блакитные» флаги, и делалось неуютно: той Украины, что ветеран знал, больше не существовало.

УССР стала «заграницей», чужой и опасной страной, где правят фашисты. Тут ненавидят русских, обзывая их «ватниками», тут малюют свастики на могилах павших героев, а молодчики с оселедцами на головах маршируют в вышиванках и трубно ревут: «Слава Украины!»

Смириться с бандеровским беспределом, с внезапным «оборотничеством» некогда братского народа Жилину было невмоготу.

Они с Панасом Сулимой прошли, пролетели от Донбасса до Карпат, сбивали «Мессеры» и радовались, что истерзанная украинская земля обрела наконец-то свободу. А теперь ее снова топчут фашисты...

Иван Федорович покривился, страдая от бессильного гнева. Вон, вышагивают...

«Правосеки» с красно-черными флагами не прятались, они шагали нагло, по-хозяйски. Киевляне пугливо отворачивались, а то, бывало, и сами надсаживались, выкрикивая бандеровское: «Героям слава!»

А перед Жилиным словно прокручивали старую кинохронику, где тысячные толпы «кидают зигу», истошно вопя: «Хайль Гитлер!»

Неужто даром кровь лили? Неужто те молодые, веселые парни, чьи лица сохранились лишь на старых фото, погибли зря?

Право, будь он лет на сорок моложе, отправился бы на Донбасс — фашистов бить. Единственно только — дедам путь в молодость заказан, им даден билет в один конец.

Конец. «Game over», — как Пашка говорит.

— Кончай, Иван Федорыч, — буркнул себе под нос Жилин. — Разнылся...

До пятиэтажки на улице Луначарского, где проживал его однополчанин, он добрался на троллейбусе.

В тесноватой квартирке пахло тлением и воском. Народу собралось немного, человек пять: жена Панаса — бабушка со скорбным изгибом впалых губ; дочь Леся в траурном платье и трое старичков-ветеранов.

Иван Федорович был шестым, а майор Сулима лежал в гробу, обтянутом красным бархатом, желтолицый и словно усохший среди бумажных цветов.

Похороны — весьма нудное мероприятие.

Деловитые могильщики с лопатами скучали в сторонке, дожидаясь своей очереди — и заветной бутылки за труды...

Красноносые музыканты старательно «лабали жмурика», извлекая из расстроенных инструментов душераздирающие звуки...

Равнодушные поварахи готовили скромную снедь в кафешке, закрытой на «спецобслуживание»...

Постный супчик, солянка с котлетой, компот. И водка.

Земля тебе пухом, Панас...

С поминоков Иван Федорович возвращался уже вечером, решив не задерживаться в Киеве. Как там у Чехова? «В Москву! В Москву!»

Было противно смотреть на «майданутых», на крикливые плакатики «Україна — це Європа!», на всю эту разруху в головах, на улицах и в подворотнях.

А где-то на востоке палят орудия по Донецку, обстреливая мирные дома «ватников» и «колорадов»...

И Жилину стало совсем тошно.

До вокзала он добирался по улице Коминтерна, лет пять как переименованной в честь Симона Петлюры. Ветеран не плелся даже, а едва тащился, усталый и вымотанный, из последних сил опираясь на палочку и укоряя себя за то, что рано сошел с трол-

лейбуса — надо было еще пару остановок проехать. Нemoщ, нemoщ...

Стемнело, зажглись фонари, да и витрины с окнами добавляли света. По улице потоком катили машины — и шагала колонна бандеровцев с факелами.

Они орали, вскидывали, не стесняясь, руки в нацистском салюте, голосили, гоготали, и Жилин на миг ощутил себя Штирлицем в Берлине, наблюдающим за шествием штурмовиков.

Тут пятеро или шестеро лбов отделились от толпы, привлеченные блеском орденов. Один из них, потный и волосатый, с рунами СС на майке, глумливо осклабился:

— Та цэ ж москаль, хлопци!

Его «камрад» громко икнул и сказал на чистом русском языке:

— Щас проверим. А ну, дед, скачи!

Лбы радостно заржали.

— Хто не скачэ, — продекламировал волосатый, — той москаль!

Протянув руку, он ухватился за медали, висевшие у Жилина на груди, и дернул, срывая награды «За взятие Берлина» и «За отвагу».

— Прочь! — выдохнул Иван Федорович. — М-мразота!

— Вате слова не давали! — ухмыльнулся волосатый и пихнул Жилина.

Старик не удержался, упал на одно колено — ногу пронзила палящая резь.

— Суки фашистские! — прохрипел Иван Федорович, из последних сил взмахивая тростью.

«Камрад», которому он съездил по колену, зашипел, выматерился и набросился на Жилина. Нога в грязном берце заехала фронтовику в живот, сбивая